

Глава 1

— Сколько будет два плюс два?
— Что-то в этом вопросе раздражает. Я устал и погружаюсь в забытие.

Проходит несколько минут. И снова раздается:

— Сколько будет два плюс два?

Негромкий женский голос лишен эмоций. Вопрос прозвучит точно так же, как и в предыдущий раз. Это компьютер. И он меня достает.

— Остань, — с раздражением выдыхаю я.

Странно. Вообще-то я хотел сказать: «Отстань». По моему, самый подходящий ответ. Но я не смог произнести его внятно.

— Ответ неверный, — раздается голос. — Сколько будет два плюс два?

Попробую поэкспериментировать. А если поздороваться?

— Ззззсссте, — получается у меня.

— Ответ неверный. Сколько будет два плюс два?

Да что ж такое? Хотел бы я выяснить, но возможности мои весьма ограничены. Я ничего не вижу. И не слышу ни единого звука, кроме электронного голоса. И даже ничего не ощущаю. Впрочем, нет, кое-что все же чувствую. Я лежу. Подо мной мягкая поверхность. Кровать.

Кажется, мои глаза закрыты. Не так уж плохо. Мне всего лишь нужно их открыть. Я пытаюсь... тщетно, не получается. Почему я не могу открыть глаза?

Открывайтесь!

Ну же! Открывайтесь!

Открывайтесь, черт возьми!

Ого! Я почувствовал движение! Мои глазные яблоки пошевелились! Я почувствовал!

Да открывайтесь же!

Наконец, я с трудом разлепляю веки, и глаза обжигает слепящий свет.

— Уххх!

Усилием воли заставляю себя не зажмуриться. Все вокруг белое. С оттенками боли.

— Обнаружено движение глаз, — заявляет мой мучитель. — Сколько будет два плюс два?

Белый свет уже не так слепит. Глаза понемногу привыкают. Я начинаю видеть контуры предметов, однако пока ничего не осезаю. Так... а если пошевелить руками? Нет. А ногами? Тоже нет. Но ртом я могу двигать? Я даже пытался говорить. Правда, вышло нечто невразумительное...

— Щщщ-ре, — силюсь сказать я.

— Ответ неверный. Сколько будет два плюс два?

Внезапно предметы перед глазами обретают смысл. Я лежу в кровати. И она вроде бы... овальная. Надо мной светодиодные лампы. Камеры на полочке фиксируют каждое мое движение. И хоть это выглядит страшновато, гораздо больше тревожит другое — роботы-манипуляторы. Две штуковины из матовой стали, свисающие с потолка. И каждая вооружена пугающим арсеналом каких-то явно инвазивных инструментов. Признаюсь, я не восторге от увиденного.

— Ч-ч-че...ты...ре, — с трудом произношу я. Так сойдет?

— Ответ неверный. Сколько будет два плюс два?

Черт! Я призываю всю силу воли и пытаюсь сосредоточиться. Внутри начинает нарастать паника. Вот и хорошо, обращаю ее себе на благо.

— Ч-ч-четыре! — выдавливаю я.

— Ответ принят.

Слава тебе, господи! Я могу говорить! Хоть как-то. Я с облегчением выдыхаю. Стоп! Выходит, я сумел произ-

вольно задержать дыхание? Я нарочно делаю глубокий вдох. Во рту пересохло. В горле першит. Но это происходит по **моей** воле. Я контролирую дыхание!

Оказывается, на мне дыхательная маска. Она плотно прилегает к лицу и соединена с гибкой трубкой, которая уходит куда-то за моей головой. Интересно, смогу ли я подтянуться? Нет. Зато я в состоянии немного пошевелить головой. Я пытаюсь оглядеть свое тело. Я голый и подсоединен к несметному количеству шлангов. Шланги воткнуты в каждую руку и каждую ногу, один подсоединен к моему мужскому достоинству. Парочка исчезает где-то под бедрами. Подозреваю, один из них уходит туда, где никогда не светит солнце.

Не нравится мне все это. А еще я весь покрыт электродами. Эдакими наклейками с сенсорами, наподобие тех, что используют для ЭКГ. Только в моем случае ими усеяно все тело. Ну, электроды хотя бы на коже, а не запихнуты внутрь.

— Г-г-г... — Из горла раздается хрип. Пытаюсь еще раз. — Где...я?

— Вычислите кубический корень из восьми, — требует компьютер.

— Где я? — Говорить уже легче.

— Ответ неверный. Вычислите кубический корень из восьми.

Я делаю глубокий вдох и медленно произношу*:

— Два *e* в степени два *iπ*.

— Ответ неверный. Вычислите кубический корень из восьми.

Но я дал верный ответ. Мне просто захотелось проверить, насколько умен компьютер. Оказалось, что не очень.

— Два, — наконец, говорю я.

— Ответ принят.

Я жду еще вопросов, но компьютер, судя по всему, удовлетворен. Накатывает усталость, и я проваливаюсь в сон.

* Ответ основан на формуле: $e^{ix} = \cos(x) + i \sin(x)$. — Примеч. науч. ред.

* * *

Просыпаюсь. Интересно, надолго ли я вырубился? Кажется, прошло немало времени — я чувствую себя отдохнувшим. Открываю глаза без малейших усилий. Какой прогресс! Пытаюсь пошевелить пальцами. Они двигаются, повинаясь моей воле. Прекрасно. Дело пошло на лад!

— Обнаружено движение кистей рук, — реагирует компьютер. — Не шевелитесь!

— Что? Зачем...

Ко мне устремляются манипуляторы. Они движутся быстро. Не успеваю я и глазом моргнуть, как они вынимают из моего тела почти все трубки. Я ничего не ощущаю. Видимо, кожа пока нечувствительна. Остаются только три трубки: капельница в руке, шланг, воткнутый в задницу, и уретральный катетер. От последних двух мне особенно хотелось бы избавиться, но ладно уж.

Поднимаю правую руку и не выдерживаю: она грузно падает на кровать. То же самое происходит с левой. Обе кажутся адски тяжелыми. Несколько раз повторяю упражнение. Руки у меня довольно мускулистые. Очень странно! Судя по всему, со мной приключилась какая-то серьезная болезнь, и я долгое время провел в кровати. Иначе зачем бы в меня воткнули столько всяких штуковин? Вероятно, началась мышечная атрофия?

Кстати, а где же доктора? Или хотя бы обычные для больницы звуки? И что за странная кровать? Она не прямоугольная, а овальная и вроде бы прикреплена к стене, а не стоит на полу.

— Уберите... — Мой голос обрывается. Все еще давит какая-то усталость. — Уберите трубки...

Компьютер не отвечает. Я еще несколько раз поднимаю руки, шевелю пальцами ног. Определенно намечается прогресс. И вот я уже раскачиваю стопы вперед-назад. Получается! Сгибаю колени. Ноги у меня тоже вполне спортивные. Конечно, не такие перекачанные, как у бодибилдеров, но явно слишком крепкие для человека на грани смерти. Впрочем, я не знаю, какими они должны быть в идеале.

Уперев ладони в кровать, отталкиваюсь. Корпус приподнимается. Я практически сажусь! Это стоит мне неимоверных усилий, но я не сдаю. От моих движений кровать слегка покачивается. Это, безусловно, не простая кровать. Приподняв голову чуть повыше, замечаю, что в изголовье и изножье овальной кровати вмонтированы мощные стальные кронштейны. То есть это некое подобие жесткого гамака. Странно...

Вскоре я сижу на шланге, который воткнут в мой зад. Ощущение не самое приятное, но как оно вообще может быть приятным, если у вас там трубка?

Теперь мне гораздо лучше видно все вокруг. Это не обычная палата в больнице. Стены из пластика, а сама комната круглая. Из светодиодных ламп, встроенных в потолок, льются ослепительно-белые лучи.

Неподалеку еще пара закрепленных на стене кроватей-гамаков, каждая со своим пациентом. Наши кровати образуют треугольник, а свисающие с потолка Карающие Десницы расположены по центру. Думаю, эти штуковины обслуживают всех троих. Моих сотоварищей видно плохо — как и сам я недавно, они пока смиренно лежат в кроватях.

Двери нет. Вместо нее лестница на стене, ведущая... в люк? Крышка круглая, с маховиком кремальеры посередине. Да, скорее всего это люк. Как на подлодках. Может, у нас троих заразная болезнь? И мы в герметичном изоляторе? В стене несколько маленьких вентиляционных отверстий, и оттуда дует слабый ветерок. Может, это камера с регулируемой средой?

Осторожно опускаю ногу с кровати, и мое ложе тут же покачивается. Ко мне устремляются манипуляторы. Я уклоняюсь, и они робко замирают неподалеку. Наверное, чтобы подхватить меня в случае падения.

— Обнаружена активность всего тела, — объявляет компьютер. — Назовите ваше имя.

— Пфф, серьезно?

— Ответ неверный. Попытка номер два: назовите ваше имя.

— Ээээ...

— Ответ неверный. Попытка номер три: назовите ваше имя.

Только теперь до меня доходит: я понятия не имею, кто я такой и чем занимаюсь. Я вообще ничего не помню.

— Хм... — вырывается у меня.

— Ответ неверный.

Внезапно накатывает слабость. Ощущение, пожалуй, приятное. Видимо, компьютер ввел седативное через капельницу.

— Погоди-и-и-ите, — едва слышно мямлю я.

Механические руки нежно укладывают меня обратно в постель.

* * *

Снова просыпаюсь. Один из манипуляторов копошится на моем лице. Что он там делает?! Я вздрагиваю, скорее от неожиданности. Механическая рука взмывает обратно к потолку, а я ощупываю лицо на предмет повреждений. На одной стороне щетина, а другая гладкая.

— Так меня брили? — догадываюсь я.

— Сознание активно, — фиксирует компьютер. — Назовите ваше имя.

— Я пока не знаю.

— Ответ неверный. Попытка номер два: назовите ваше имя.

— Я мужчина европеоидной расы, говорю по-английски. Готов сыграть в угадайку. Дж-жон?

— Ответ неверный. Попытка номер три: назовите ваше имя.

Выдергиваю капельницу из руки.

— Да пошла ты!

— Ответ неверный.

Механические руки уже летят ко мне. Я скатываюсь с кровати. Ох, зря! Остальные трубки по-прежнему на месте. Шланг из задницы вылетает без проблем. А потом выскакивает катетер из пениса, и это **больно**. Будто из тебя

выходит мячик для гольфа. Я вскрикиваю и через секунду уже корчусь на полу.

— Сильная физическая боль, — констатирует электронный голос.

В погоню за мной отправляются манипуляторы, а я ползу по полу, пытаясь от них улизнуть, и забиваюсь под одну из кроватей. Механические руки замирают рядом, но не сдаются. Они выжидают. Манипуляторами управляет компьютер, поэтому вряд ли у них может лопнуть терпение.

Мой затылок обессиленно опускается на пол, и я судорожно перевожу дыхание. Через некоторое время боль немного стихает, и я вытираю набежавшую слезу. Понятия не имею, что происходит.

— Эй! — кричу я. — Кто-нибудь, проснитесь!

— Назовите ваше имя, — подает голос компьютер.

— Кто-нибудь из **людей**, очнитесь! Пожалуйста!

— Ответ неверный.

В паху ноет, ситуация настолько идиотская, что хочется смеяться. Видимо, в крови бурлят эндорфины, и от этого кружится голова. Я оборачиваюсь взглянуть на катетер, валяющийся рядом с кроватью, и открываю рот в изумлении. И это было воткнуто в мою уретру?! Ничего себе! Из-за резкого выдергивания катетер меня травмировал. По полу тянется полоска крови. Тонкая красная линия...

* * *

Я допил кофе, закинул в рот последний кусок тоста и махнул официантке, чтобы принесла чек. Я мог бы не тратиться и позавтракать дома вместо того, чтобы каждое утро ходить в кафе. Наверное, завтракать дома было бы разумнее, учитывая мою скромную зарплату. Но готовить я ненавижу, а яичницу с беконом люблю.

Официантка кивнула и направилась к кассе, собираясь выбить мне чек. Но тут в кафе вошел посетитель, которого ей пришлось проводить за столик. Я взглянул на часы. Семь с минутами. Никакой спешки. Я предпочитал приезжать на работу к семи двадцати, чтобы успеть подгото-

виться к трудовому дню. На самом деле я мог бы появляться там не раньше восьми. Я достал телефон и проверил почту.

КОМУ: Астрономические загадки *astrocurious@sci-lists.org*

ОТ: (Ирина Петрова, д-р физ.-мат. наук) *ipetrova@gao-ran.ru*

ТЕМА: Тонкая красная линия

Я недоуменно нахмурился. Мне казалось, я отписался от этой рассылки. Часть жизни, которая осталась в прошлом. Письма приходили редко, но, если память мне не изменяет, в них всегда было что-нибудь любопытное. Группу организовали несколько астрономов, астрофизиков и специалистов в других областях, которые просто болтали о всяких необычных явлениях.

Я снова посмотрел на официантку — она отвечала на вопросы посетителей по меню. Наверное, спрашивали, есть ли в здешней непритязательной забегаловке безглютеновые веганские проростки травы и тому подобное. Порой добропорядочные жители Сан-Франциско могут вывести из терпения. Желая хоть как-то скоротать время, я стал читать письмо.

«Здравствуйте, профессионалы! Меня зовут доктор Петрова. Я сотрудница Пулковской обсерватории в Санкт-Петербурге, Россия.

Обращаюсь к вам с просьбой о помощи. Последние два года я работаю над теорией, связанной с инфракрасным излучением туманностей. В рамках своего исследования я внимательно наблюдала за определенными областями инфракрасного спектра. И обнаружила нечто странное — правда, не в туманностях, а в нашей с вами Солнечной системе.

Оказалось, что в Солнечной системе существует едва заметная, но различимая линия, которая испускает ИК-из-

лучение с длиной волны в 25.984 микрометра*. Судя по всему, длина волны неизменна и существует в единственном варианте.

Прилагаю таблицы Excel с моими данными, а также визуализацию модели в трехмерном формате. На объемной модели видно, что линия представляет собой асимметричную дугу, которая поднимается от северного полюса Солнца строго вверх на 37 миллионов километров. А потом резко уходит вниз и прочь от Солнца в сторону Венеры. Миновав наивысшую точку, облако расширяется подобно воронке. Возле Венеры поперечник дуги сопоставим с диаметром самой планеты.

ИК-излучение очень слабо. Мне удалось зафиксировать его только благодаря сверхчувствительному оборудованию, с помощью которого я изучала ИК-излучение туманностей. Желая убедиться в своей правоте, я связалась с обсерваторией Атакама в Чили, обладающей, на мой взгляд, лучшей в мире аппаратурой для ИК-астрономии. И они подтвердили мои предположения.

Есть масса причин, по которым можно зафиксировать ИК-излучение в межпланетном пространстве. Например, космическая пыль или иные частицы, отражающие солнечный свет. Или какое-то молекулярное соединение, которое аккумулирует энергию и переизлучает ее в ИК-диапазоне. Это как раз объяснило бы, почему во всех случаях регистрируется одна и та же длина волны.

Форма дуги представляет отдельный интерес. Сначала я предположила, что ее образует скопление частиц, движущихся вдоль силовых линий магнитного поля. Но у Венеры почти нет магнитного поля. Ни магнитосферы, ни ионосферы — ничего! Какие же тогда силы заставляют частицы изгибаться дугой в сторону Венеры? И почему они испускают излучение? Приветствуются любые предложения и гипотезы».

* Микрометр (микрон) равен 0,001 миллиметра. — Здесь и далее примеч. пер.

Что за чертовщина? В памяти вдруг всплыл этот эпизод. Просто появился в голове совершенно неожиданно. О себе я узнал немного. Живу в Сан-Франциско — теперь вспомнил. И тот завтрак мне понравился. А еще я, видимо, занимался астрономией, но теперь нет?

Судя по всему, мой мозг решил, что я непременно должен вспомнить именно о том электронном письме. Нет чтобы подсказать такой пустяк, как **мое имя!** Подсознание явно пытается мне что-то сообщить. Увидев полоску крови на полу, я вспомнил о «тонкой красной линии», указанной в качестве темы в письме. Но какое это имеет отношение ко мне?

Я выбираюсь из-под кровати и сажусь спиной к стене. Манипуляторы поворачиваются в мою сторону, но не трогают. Пора взглянуть на сотоварищей по лазарету. Понятия не имею, кто я и как сюда попал. По крайней мере, тут еще эти двое... но... они мертвы.

Да, определенно мертвы. В ближней кровати, видимо, женщина. Судя по длинным волосам. В остальном она похожа на мумию. Высохшая кожа, обтягивающая кости. Запаха не ощущается. Активного процесса гниения нет. Вероятно, смерть наступила довольно давно. Во второй кровати труп мужчины. Кажется, этот умер еще раньше. Кожа не только высохла и истончилась, но стали видны кости.

Прекрасно. Значит, я тут с двумя трупами. По идее я должен испытывать страх и отвращение, но нет. Они умерли так давно, что уже напоминают не людей, а скорее декорации к Хэллоуину. Надеюсь, ни один из них не был моим близким другом. А даже если и был, надеюсь, я ничего не вспомню.

Мертвые люди — это плохо. Но гораздо хуже другое: они тут очень давно. Даже из изолятора выносят трупы, разве нет? Что бы ни случилось, это явно хреновый признак. Я поднимаюсь на ноги. Получается медленно, сил уходит уйма. Пытаясь обрести равновесие, придерживаюсь за кровать мисс Мумии. Кровать покачивается, и я вместе

с ней, но все-таки стою на ногах. Манипуляторы делают рывок в мою сторону, но я успеваю прислониться к стене.

Скорее всего, я был в коме. Да. Чем больше размышляю, тем сильнее склоняюсь к этому выводу. Не знаю, давно ли я тут, но если меня поместили сюда одновременно с двумя погибшими, значит, уже довольно долго. Я потираю наполовину выбритое лицо. Механические руки предназначены для обслуживания пациентов, длительное время находящихся без сознания. Еще одно доказательство того, что я был в коме.

Может, попробовать забраться в люк? Делаю шаг. Еще один. И медленно оседаю на пол. Нет, для меня это пока слишком трудно. Надо отдохнуть. Почему я так слаб, несмотря на отлично развитые мышцы? И вообще, откуда они взялись, если я долгое время провел в коме? Я должен был превратиться в сморщенного задохлика, а не в пляжного спасателя!

Понятия не имею, зачем я здесь. И что должен делать? Неужели я и вправду болен? Да, чувствую я себя не лучшим образом, но явно не болен. Меня не подташнивает, голова не болит. Температуры вроде нет. Если я не болел, почему же тогда был в коме? Из-за серьезной травмы? Я ощупываю голову. Никаких шишек, рубцов или бинтов. Тело тоже в порядке. Более того, у меня прямо рельефная мускулатура!

Внезапно меня начинает клонить в сон, но я сопротивляюсь. Пора предпринять вторую попытку встать на ноги. Заставляю себя подняться. Я словно штангист, выжимающий вес. Впрочем, на сей раз получается немного легче. Мое восстановление идет отличными темпами (надеюсь).

Я медленно переставляю ноги, упираясь спиной в стену для подстраховки. Манипуляторы то и дело пытаются до меня дотянуться, но я держусь от них подальше. Я задыхаюсь и хриплю, будто пробежал марафон. А если это легочная инфекция? И меня изолировали ради моего же блага?

Наконец, добираюсь до лестницы. С трудом делаю еще один шаг и хватаюсь за нижнюю ступеньку. Сил совсем не осталось. Как же я залезу на десятифутовую* лестницу?

Десятифутовая лестница... Ага, я мыслю в рамках имперской системы мер. Вот и подсказка. Значит, скорее всего, я американец. Или канадец. Канадцы используют футы и дюймы для измерения небольших расстояний. Тогда я задаю себе вопрос: каково расстояние от Лос-Анджелеса до Нью-Йорка? Мой мозг выдает ответ: три тысячи миль. Канадец использовал бы километры. Выходит, я или англичанин, или американец. Или из Либерии.

Я в курсе, что в Либерии используют имперскую систему мер, но не знаю собственного имени. Обидно! Делаю глубокий вдох. Хватаюсь за лестницу обеими руками и подтягиваю ноги на нижнюю ступеньку. И потихонечку выпрямляюсь. Тело не слушается, но я добиваюсь своего: обе ноги на нижней ступеньке. Я тянусь руками к следующей перекладине. Пока все идет неплохо.

Ощущение такое, словно мое тело отлито из свинца. Каждое движение стоит огромных усилий. Я хочу подтянуться, но мои руки слишком слабы для этого. Я падаю с лестницы, опрокинувшись назад. Сейчас будет больно. Но боли нет. Механические руки ловят меня, не дав удариться об пол, так как я свалился в пределах их досягаемости. Эти штуковины не медлили ни мгновения! Они относят меня в постель и устраивают поудобнее, словно заботливая мать, убаюкивающая ребенка.

А знаете, что? Я не против. Похоже, я тут немного приотмился, и короткая передышка пойдет мне на пользу. Мягкое покачивание кровати успокаивает. И все же настораживает то, как я упал с лестницы. Я пытаюсь прокрутить перед мысленным взором момент падения. Не пойму, что именно меня смущает, но тут точно кроется подвох. Хмм... Я незаметно засыпаю.

* 10 футов примерно соответствуют 3 метрам.

* * *

— Ешьте!

У меня на груди лежит тюбик, похожий на те, что с зубной пастой.

— Чего?

— Ешьте! — вновь требует компьютер.

Рассматриваю тюбик. Он белый с черной маркировкой: «День 1 — паек 1».

— Что за фигня? — вырывается у меня.

— Ешьте!

Откручиваю крышку, и в нос ударяет аппетитный аромат. В предвкушении еды рот мгновенно наполняется слюной. Только теперь до меня доходит, что я зверски голоден. Сжимаю тюбик, и из горлышка выдавливается какая-то отвратительная на вид коричневая эмульсия.

— Ешьте! — твердит компьютер.

Кто я, чтобы спорить с Верховным кибервладыкой, повелителем страшных Роборук? Опасливо пробую коричневую субстанцию. О, боги, как вкусно! Очень вкусно! Напоминает густую, но не очень жирную подливу. Выдавливаю прямо в рот и блаженно смакую. Клянусь, это лучше, чем секс!

Все понятно. Недаром говорят: голод — лучшая приправа к пище*. Если вы страдаете от голода, мозг щедро вознаградит вас за долгожданную трапезу: «Отличная работа! — скажет он. — Теперь мы с тобой еще какое-то время не умрем!»

Наконец, кусочки мозаики встают на свои места. Раз я долгое время находился в коме, значит, меня надо было кормить. Когда я очнулся, гастростомы** у себя не обнаружил. Получается, питание поступало через назогастральный зонд, вводимый в пищевод через нос. Это наименее инвазивный способ искусственного кормления пациентов, ко-

* «Голод — лучшая приправа к пище» — высказывание, приписываемое Сократу.

** Гастростома — специальная трубка, которая установлена в отверстие на животе (стому) и ведет в желудок.

торые не могут питаться самостоятельно, но сохранили нормально функционирующий пищеварительный тракт. К тому же так пищеварительная система поддерживается в активном и здоровом состоянии. Теперь понятно, почему к моменту моего пробуждения никакие трубки из носа не торчали. Назогастральный зонд желательно извлекать, пока пациент еще не пришел в себя.

А откуда я это знаю? Разве я доктор? Выдавливаю еще коричневой жижи себе в рот. По-прежнему вкусно. Выдавливаю и глотаю до тех пор, пока тюбик не становится пуст.

— Дайте добавки! — прошу я, подняв его вверх.

— Прием пищи завершен, — раздается в ответ.

— Я все еще голоден! Дайте еще тюбик!

— Порция еды, согласно плану питания, выдана полностью.

Разумно. Моя пищеварительная система пока еще приспособливается к полутвердой пище. Не стоит расстраиваться. Если я стану есть, сколько захочу, мне наверняка станет плохо. Компьютер все правильно делает.

— Дайте добавки!

Какая разница, что правильно, когда дико хочется есть!

— Порция еды, согласно плану питания, выдана полностью.

— Ну вот!

И тем не менее, я чувствую себя бодрее. Еда прибавила сил, и я поспал. Скатываюсь с кровати, приготовившись прятаться у стены, но манипуляторы висят на месте. Видимо, теперь, когда я доказал, что в состоянии принимать пищу, мне позволено вылезти из постели.

Оглядываю свое нагое тело. Как-то нехорошо. Я понимаю, кроме меня здесь только два трупа, и все же.

— А можно мне какую-нибудь одежду?

Компьютер молчит.

— Отлично. Поступим по-другому.

Я выдергиваю из кровати простыню и пару раз оборачиваю ее вокруг торса. Один угол набрасываю со спины

на плечо и связываю спереди узлом с другим углом простыни. Моментальная тога.

— Обнаружено самостоятельное передвижение, — объявляет компьютер. — Назовите ваше имя.

— Император Коматозник. Преклоните предо мной колени! — важно отвечаю я.

— Ответ неверный.

Пора взглянуть, куда ведет лестница. Все еще немного пошатываясь, иду в другой конец комнаты. Это уже большое достижение: мне не нужно хвататься за стены и качающиеся кровати, чтобы не упасть. Я иду на своих ногах!

Дохожу до лестницы и берусь за одну из перекладин. Мне **не обязательно** цепляться за нее, но так, безусловно, удобнее. Судя по виду, люк в потолке чертовски прочный. Думаю, он задраен наглухо. И скорее всего, заперт снаружи. Но попытаться все равно стоит.

Забираюсь на первую ступеньку. Трудно, но преодолено. Еще на одну. Кажется, у меня получается. Главное, не спешить и понемногу двигаться вперед. Наконец, я добираюсь до люка. Придерживаясь за лестницу одной рукой, другой пробую повернуть маховик. И он поворачивается!

— Офонареть! — восклицаю я.

«Офонареть»?! Этим словом я выражаю изумление? Ладно, так тоже говорят. Правда, я ожидал от себя чего-нибудь менее архаичного. И что я за странный тип?

Повернув маховик на три полных оборота, слышу щелчок. Крышка люка опускается вниз, и я едва успеваю уклониться. Крышка повисает на мощных петлях. Проход открыт. Я свободен! Теоретически... В проеме зияет непроглядный мрак. Картина слегка пугающая, но все же это прорыв.

Лезу в люк и выползаю на пол в новом помещении. Словно в ответ на мое появление включается свет. Наверное, им управляет компьютер. Комната похожа размером и формой на ту, из которой я прибыл. Еще одно круглое помещение.

В центре большой стол — судя по виду, для лабораторных исследований, — привинченный к полу. Вокруг три табурета, тоже привинченные. Повсюду вдоль стен лабораторное оборудование. Каждый предмет зафиксирован на столиках и скамьях, которые, в свою очередь, привинчены к полу. Все выглядит так, словно комната подготовлена на случай катастрофического землетрясения. Лестница на одной из стен ведет к следующему люку в потолке.

Я в прекрасно оборудованной лаборатории. Интересно, с каких пор пациентов изолятора допускают в лабораторию? В любом случае, это не похоже на медицинскую лабораторию. Да что за ересь тут творится?

«Ересь»?! Серьезно?! Так, видимо, у меня маленькие дети. Или я глубоко верующий человек.

Надо оглядеться повнимательнее. Переносная аппаратура привинчена к столу. Вот микроскоп с увеличением 8000 крат, автоклав, набор пробирок, ряды ящиков с расходными материалами, холодильная камера для хранения образцов, электропечь, дозаторы. Стоп, откуда мне известны эти названия?

Рассматриваю более крупное оборудование, установленное вдоль стен: растровый электронный микроскоп*, субмиллиметровый 3D-принтер, одиннадцатиклассный фрезерный станок, лазерный интерферометр**, вакуумная камера объемом в один кубический метр. Мне знаком каждый предмет. И я знаю, как им пользоваться.

Выходит, я ученый! Хоть какая-то ясность! А теперь самое время воспользоваться моими научными познания-

* Растровый электронный микроскоп — прибор, позволяющий получать изображение объектов с максимальным увеличением до 10^6 раз благодаря использованию пучка электронов (в отличие от оптического микроскопа, где используется световой поток), а также информацию о составе, строении и некоторых других свойствах приповерхностных слоев.

** Лазерный интерферометр — высокоточный оптический инструмент. Предназначен для оценки и измерения параметров отклонения формы плоских и сферических поверхностей оптических деталей.

ми. Давай, гениальный мозг, подкинь идею! ...Я хочу есть. Ты подвел меня, мозг!

Ну, хорошо. Понятия не имею, зачем здесь лаборатория и почему меня в нее пустили. Но... пора двигаться дальше!

Следующий люк тоже в потолке, в 10 футах от пола. Мне предстоит еще один акробатический номер с лестницей. По крайней мере, сейчас я сильнее.

Сделав несколько глубоких вдохов, карабкаюсь по ступенькам. И снова простое действие стоит мне огромных усилий. Может, я и чувствую себя лучше, но еще далек от нормального состояния. Бог ты мой, какой я тяжелый! Забираюсь наверх, но на том дело и заканчивается. Стоя на неудобной ступеньке, пытаюсь повернуть маховик на люке. Тщетно.

— Для разблокировки люка назовите ваше имя, — требует компьютер.

— Но я не знаю, как меня зовут! — раздражаюсь я.

— Ответ неверный.

С досады я бью ладонью по маховику. Он не сдвинулся, а ладонь теперь болит. Ну что же... Пока дела идут не очень. С этим придется повременить. Может, я, наконец, вспомню свое имя. Или прочту его где-нибудь.

Начинаю спускаться по лестнице. По крайней мере, таков мой план. Думаете, путь вниз проще и безопаснее, чем подъем? Если бы! Вместо того, чтобы изящно спуститься по лестнице, я неловко ставлю ногу на следующую ступеньку, моя рука соскальзывает с маховика, и ваш почкорный слуга, как идиот, летит вниз.

Я размахиваю конечностями, словно бешеный кот, пытаюсь хоть за что-нибудь ухватиться. Как выясняется, это ужасная идея. Я падаю на стол, а ногой врезаюсь в стойку с ящиками. Мать моя женщина, как больно!!! Я ору во всю глотку, хватаюсь за ногу, падаю со стола и приземляюсь на пол.

Здесь нет манипуляторов, чтобы подхватить меня. Я падаю на спину, и от боли перехватывает дыхание. А затем, добавляя к моим травмам унижение, валится стойка с ящи-

ками. Ящики открываются, и их содержимое градом сыпется на меня. Ватные зонд-тампоны* еще ничего, пробирки доставляют слегка неприятные ощущения (и на удивление не разлетаются на осколки), но рулетка ударяет мне прямо в лоб.

Потом падает еще какая-то мелочовка, но мне уже не до того: я трогаю набухающую на лбу шишку. Сколько же весит рулетка? Падение со стола высотой три фута** привело к шишке!

— Миссия провалена, — сообщаю я в пустоту.

Смех да и только. Будто сцена из фильма с Чарли Чаплином. Честно говоря, это было очень похоже! Даже слишком.

И тут на меня снова накатывает странное чувство «неправильности». Хватаю первую попавшуюся пробирку и подбрасываю. Она летит вверх, а потом вниз, как и должна. Но я недоволен. Что-то в падающих объектах меня смущает. И я хочу найти причину.

Ладно, посмотрим, что тут у нас? В моем распоряжении целая лаборатория, и я знаю, как работать с оборудованием. А если взять что-нибудь простое и доступное? Я бросаю взгляд на содержимое ящиков, рассыпанное по полу. Пробирки, зонд-тампоны для отбора проб, деревянные шпатели, электронный секундомер, дозаторы, немного клейкой ленты, ручка... Похоже, у меня есть все необходимое.

Я встаю на ноги и отряхиваю тогу. Пыли на ней нет — здесь стерильная чистота, но я все-таки делаю это движение. Беру рулетку и осматриваю. Она метрическая. Выходит, я в Европе? Неважно. Потом хватаю секундомер. Прочный. Такие обычно берут в походы. Крепкий пластиковый корпус, защищенный кольцом из плотной резины. Само собой, водонепроницаемый. Но, увы, полностью сломанный.

* Зонд-тампон состоит из герметичной пластиковой пробирки из прозрачного полипропилена и длинного шпателя с хлопковым/вискозным тампоном на конце.

** Три фута — чуть больше девяноста см.

На жидкокристаллическом дисплее пусто. Жму на кнопки, но ничего не происходит. Переворачиваю, чтобы проверить батарейки. Может, сумею найти ящик с запасными батарейками, если выясню, какие нужны. С задней стороны корпуса торчит красная пластмассовая ленточка. Я тяну за нее, и вдруг секундомер с писком оживает. Как в игрушках, у которых «батарейки в комплекте». Небольшая красная заглушка предотвращала расход энергии батареек до того, как секундомером начнут пользоваться впервые. Хорошо. Значит, это совсем новый секундомер. Честно говоря, все в лаборатории выглядит абсолютно новым. Чистое, аккуратное, нетронутое. Пока не знаю, какой отсюда следует вывод.

Некоторое время я верчу в руках секундомер, пока не выясняю, какие кнопки за что отвечают. На самом деле, управление довольно простое. Затем с помощью рулетки я измеряю высоту стола. Расстояние от нижнего края столешницы до пола составляет 91 сантиметр. Беру пробирку. Она не стеклянная. Наверное, из какой-нибудь высокопрочной пластмассы. Упав с высоты трех футов на твердую поверхность, она не разбилась. Из какого бы материала ни была сделана пробирка, он достаточно плотный, чтобы пренебречь сопротивлением воздуха.

Кладу пробирку на стол и беру секундомер. Одной рукой сбрасываю пробирку вниз, а другой одновременно включаю секундомер. Замечаю, за сколько она достигает пола: примерно 0,37 секунды. Чертовски быстро. Надеюсь, скорость моей реакции не искажает результат. Записываю полученное время ручкой на запястье — бумагу я пока не нашел.

Снова поднимаю пробирку на стол и повторяю опыт. На сей раз время оказывается 0,33 секунды. Повторяю опыт двадцать раз, записывая результаты, чтобы свести к минимуму погрешность из-за скорости нажатия секундомера. В итоге я получаю среднее значение: 0,348 секунды. Моя рука выглядит, как доска в классе математики, но меня это не беспокоит.

0,348 секунды. Расстояние равно одной второй ускорения, помноженного на время в квадрате. Отсюда ускорение равно двум расстояниям, поделенным на время в квадрате. Формулы вспоминаются без труда*. Тут я как рыба в воде. Оказывается, я здорово соображаю в физике. Отличная новость!

Я быстро делаю расчеты и получаю результат, который совсем не радует. В этом помещении слишком высокая сила гравитации. Ускорение свободного падения здесь составляет 15 метров в секунду каждую секунду, вместо 9,8**. Вот, почему мне сразу показалось, что предметы падают «неправильно». Они делают это слишком быстро. И вот почему я слишком слаб, несмотря на все свои мышцы. Любой предмет становится здесь в полтора раза тяжелее, чем должен быть.

Но самое интересное, что повлиять на силу притяжения невозможно. Ее нельзя увеличить или уменьшить. Ускорение свободного падения на Земле составляет 9,8 метра в секунду каждую секунду. И точка. А здесь я подвергаюсь большему воздействию силы тяжести. Объяснение напрашивается только одно. Я не на Земле...

* Модуль вектора перемещения тела при прямолинейном равноускоренном движении без начальной скорости $S = at^2/2$, где S — расстояние (м), a — ускорение ($\text{м}/\text{с}^2$), t — время (с). Отсюда $a = 2S/t^2$. Свободное падение представляет собой частный случай равномерно ускоренного движения без начальной скорости. Ускорение свободного падения при заданных условиях: $a = 2 \cdot 0,91/0,348^2 = 15,03$ ($\text{м}/\text{с}^2$).

** Земная гравитация, выраженная через ускорение свободного падения на Земле: $g = 9,8$ $\text{м}/\text{с}^2$.